

Правомерные и неправомерные деяния в системе юридических фактов уголовно-исполнительного права: теория вопроса

Е. Е. НОВИКОВ

Университет ФСИН России, г. Санкт-Петербург, г. Пушкин, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1556-1364>, e-mail: mavr-85@mail.ru

Реферат

Введение: в статье рассмотрены правомерные и неправомерные деяния как виды юридических фактов, влияющих на функционирование уголовно-исполнительных правоотношений. В теории права данные правовые явления остались без внимания, что не удовлетворяет потребностям уголовно-исполнительной науки и практики. *Цель:* на основе анализа правомерных и неправомерных деяний выделить свойства, признаки и внутреннее содержание рассматриваемых юридических фактов, выявить проблемы закрепления анализируемых правовых явлений в нормах права и определить направления их решения. *Методы:* сравнительно-правовой, эмпирические методы описания, интерпретации, теоретические методы формальной и диалектической логики, метод толкования правовых норм. *Результаты:* анализ правомерных деяний позволил выделить их признаки, внутреннее содержание и рекомендации к их закреплению. Исследование неправомерных деяний дало возможность рассмотреть сущность, виды и признаки объективно-противоправных деяний осужденных. *Выводы:* при изучении правомерных деяний был сформулирован вывод о том, что законодатель должен исключить правомерное бездействие там, где оно пересекается с обязанностью субъекта уголовно-исполнительных правоотношений действовать (когда право субъекта, по сути, является его обязанностью). Резюмируется, что совершение осужденным объективно-противоправного деяния не должно являться основанием для привлечения его к ответственности. Юридические факты, свидетельствующие об ином (не объективно-противоправном) правонарушающем поведении осужденных вне зависимости от его вида должны влечь за собой альтернативное наступление ответственности. Однако законодатель не фиксирует данные правонарушающие юридические факты в главах, регламентирующих исполнение и отбывание наказаний в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, ареста и всех видов наказаний, предназначенных для военнослужащих, что, полагаем, существенно затрудняет развитие уголовно-исполнительных правоотношений.

К л ю ч е в ы е с л о в а : юридические факты; правомерные деяния; неправомерные деяния; уголовно-исполнительные правоотношения; объективно-противоправные деяния; неправомерное бездействие; правомерное бездействие.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

Для цитирования: Новиков Е. Е. Правомерные и неправомерные деяния в системе юридических фактов уголовно-исполнительного права: теория вопроса. *Пенитенциарная наука*, 2021, т. 15, № 2 (54), с. 269–279. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-2-269-279.

Lawful and Unlawful Acts in the System of Legal Facts of Penal Law: Theory of the Issue

EGOR E. NOVIKOV

University of FSIN Russia, Saint Petersburg, Pushkin, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1556-1364>, e-mail: mavr-85@mail.ru

Abstract

Introduction: the article considers lawful and unlawful acts as major types of legal facts that influence the functioning of penal relations. In the theory of law, these legal phenomena have remained virtually outside the scope of scientific attention; such a situation is contrary to the needs of penal science and application practice. *Aim:* by analyzing lawful and unlawful acts, we seek to identify features, signs and internal content of these legal facts, to identify issues related to enacting the analyzed legal phenomena in the norms of law, and to determine ways to address these issues. *Methods:* comparative legal method, empirical methods of description and interpretation; theoretical methods of formal and dialectical logic, interpretation of legal norms. *Results:* the analysis of lawful acts allowed us to identify their features, internal content and recommendations for their consolidation. Having studied unlawful acts, we were able to consider the essence, types and features of objectively illegal acts committed by convicts. *Conclusions:* when studying lawful acts, we formulated a conclusion that the legislator should exclude lawful omission where it "intersects" with the obligation of the subject of penal legal relations to act (when the right of the subject is, in fact, their duty). The article summarizes, that the commission of an objectively illegal act by the convict should not be the basis for bringing them to liability. Legal facts that indicate a different (not objectively illegal) delinquent behavior of a convict, regardless of its type, should entail that the convict be held liable mandatorily. However, the legislator does not record these infringing legal facts in the chapters that regulate the execution and serving of sentences in the form of deprivation of the right to hold certain positions or engage in certain activities, in the form of arrest and all types of punishments intended for military personnel; all this, we believe, significantly complicates the development of penal legal relations.

Key words: legal facts; lawful acts; unlawful acts; penal legal relations; objectively illegal acts; unlawful omission; lawful omission.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law.

For citation: Novikov E. E. Lawful and unlawful acts in the system of legal facts of penal law: theory of the issue. *Penitentiary Science*, 2021, vol. 15, no. 2 (54), pp. 269–279. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-2-269-279.

Введение

Теория юридических фактов не является новым разделом юридической науки – проблемы фактов исследовались дореволюционным и советским правоведением, учеными-юристами современной России [3; 6; 15; 19] и зарубежных стран [16–18].

Несмотря на высокую степень научной разработанности вопроса в теории права, юридические факты, влияющие на функционирование уголовно-исполнительных правоотношений, остались без должного внимания, что не может в полной мере удовлетворить потребности уголовно-исполнительной науки и практики применения. Только некоторые ученые-юристы, в частности Н. М. Ибрагимова, Н. И. Полищук, В. И. Пинчук, А. С. Севрюгин, основательно проанализировали некоторые аспекты интересующих нас правовых явлений.

Следует отметить, что законодатель в нормах уголовно-исполнительного права закрепляет как правомерные, так и неправомерные юридические деяния, которые могут быть разделены на действия или бездействия.

Правомерные и неправомерные действия и бездействия как юридические факты, влияющие на функционирование уголовно-исполнительных правоотношений

Правомерность деяний субъектов уголовно-исполнительных правоотношений определяет наличие в законе дозволения, обязывания или запрета определенного поведения. Другими словами, правомерным юридическим действием/бездействием будет являться активное/пассивное поведение субъектов права, реализующих установленные в законе нормы дозволения, обязывания и запрета.

Раскрывая особенности правомерных действий субъектов уголовно-исполнительных правоотношений, отметим, что они направлены на использование дозволяющих и исполнение обязывающих норм (рис. 1). Законодатель, исходя из содержания позиции Н. Г. Александрова о том, что «возможное поведение и требуемое должное поведение закреплены в юридических нормах и даны в виде моделей юридических субъективных прав и юридических обязанностей» [13, с. 541], направляет деятельность субъектов правоотношений на достижение целей, за-

крепленных в уголовно-исполнительном законодательстве.

Правомерные юридические факты-действия субъектов уголовно-исполнительных правоотношений с использованием дозволяющих норм отвечают следующим требованиям:

– возникновение данных юридических фактов не должно быть продиктовано принуждением субъекта правоотношения к реализации дозволяющих предписаний;

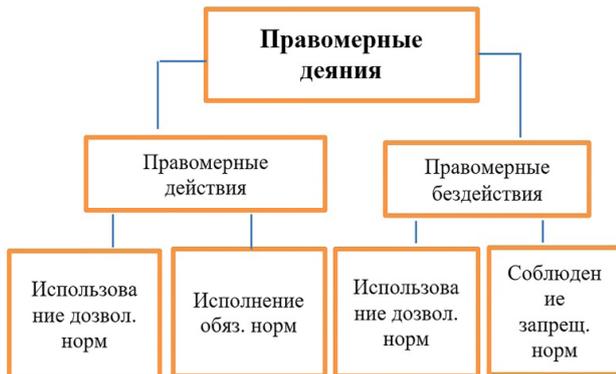

Рис. 1. Правомерные деяния

– отказ субъекта права от использования рассматриваемых фактов-действий не должен способствовать привлечению участника уголовно-исполнительного правоотношения к какому-либо виду ответственности;

– субъект уголовно-исполнительных правоотношений должен иметь возможность реализовать правомерные факты-действия беспрепятственно;

– данные юридические факты должны повлечь за собой возникновение у управомоченных субъектов уголовно-исполнительных правоотношений следующих возможностей: 1) пользоваться материальным или духовным благом и/или 2) требовать от других лиц выполнения действий, отвечающих содержанию юридического факта и соответствующему правоотношению.

Признаки, присущие правомерным юридическим фактам-действиям, основывающимся на исполнении субъектами права обязывающих норм, качественно отличаются от рассмотренных выше. К ним можно отнести следующие:

– субъект уголовно-исполнительных правоотношений обязан инициировать возникновение данного юридического факта-действия вне зависимости от личного отношения к совершаемым действиям и правоотношениям, которые они могут породить;

– отказ субъекта от совершения правомерных юридических фактов-действий, основывающихся на исполнении обязывающих норм, должен способствовать безальтернативному привлечению субъекта уголовно-исполнительных правоотношений к ответственности;

– выполнение данных юридических фактов-действий может как удовлетворять интересы и потребности лиц, их совершающих, так и не удовлетворять (например, выход осужденного к лишению свободы на работу может как являться правомерным юридическим фактом-действием, порождающим правоотношения, удовлетворяющие интересы и потребности осужденного, так и не являться таковым).

Рассмотренная группа юридических фактов представлена в уголовно-исполнительном праве большим количеством правовых предписаний. Так, в случае приобретения осужденным продуктов питания (ст. 88 УИК РФ) юридически значимым будет являться факт приобретения, который направлен на реализацию соответствующего права осужденного (то есть нормы дозволения) на получение собственности, а действия лица, связанные с возмещением ущерба (ст. 102 УИК РФ), причиненного ИУ, представляют собой юридический факт, обеспечивающий соответствующую обязывающую норму.

Полагаем, что правомерное действие не предполагает использование запрещающих норм, так как они предписывают субъекту не совершать определенных в законе действий: нельзя назвать правомерным действием поведение субъекта, который нарушил требование, вытекающее из запрещающей нормы.

Правомерные юридические факты-бездействия влияют на правоотношения, ориентированные на соблюдение норм запрета и использование дозволяющих норм.

В уголовно-исполнительной науке вопросы, связанные с анализом правомерного бездействия как юридического факта, ранее не рассматривались. Но анализ юридической доктрины позволяет сделать вывод о том, что в ограниченном количестве научных трудов допускается существование правомерного бездействия. Так, согласно позиции В. Н. Казакова, правомерное бездействие – это такое поведение субъектов права, которое направлено на «реализацию подавляющего большинства норм-запретов» [3, с. 20].

Значимость правомерных юридических фактов-бездействий, ориентированных на соблюдение запрещающих предписаний, сложно переоценить. Как справедливо отметил Н. Н. Рыбушкин, «в ходе соблюдения запрещающих норм субъект права как бы отграничивает себя от вытесняемых отношений, не вступает в них» [12, с. 17].

Так, например, осужденным, отбывающим наказание в виде исправительных работ, запрещается увольнение с работы по собственному желанию (ч. 3 ст. 40 УИК РФ); администрации ИУ запрещается использовать осужденных для выполнения работ (например, по обслуживанию и ремонту технических средств охраны и надзора и т. п.), установленных Правилами внутреннего распорядка ИУ (приказ Минюста России от 16.12.2016 № 295). Пассивное поведение в приведенных примерах является общественно полезным, необходимым, требуемым и играет положительную роль, выступает условием нормального функционирования уголовно-исполнительных правоотношений. Соблюдая запреты, направленные на предотвращение возможных последствий, нежелательных для общества, государства, отдельных лиц, субъекты избегают конфликтов, считаются с общественными интересами [10, с. 159].

Поведение субъектов уголовно-исполнительных правоотношений, связанное с неиспользованием дозволяющих норм, также может являться правомерным юридическим фактом-бездействием, влияющим на уголовно-исполнительные правоотношения.

Об обязательности вычленения правомерного бездействия говорил В. Н. Кудрявцев. При этом ученый справедливо отмечает, что в ряде случаев польза от нереализации дозволяющих норм сомнительна. Он констатировал, что если соблюдение запретов не вызывает сомнений с точки зрения полезности и соразмерности, то второй вид правомерного бездействия, состоящий в неиспользовании своего права, неоднороден [4, с. 137]. Другими словами, бездействии субъектов уголовно-исполнительных правоотношений, не использующих дозволяющие предписания, не всегда необходимо, оправдано и полезно.

Можно привести следующие примеры юридических фактов-бездействий, которые, с одной стороны, являются правомерными, а с другой – сомнительными, не способствующими нормальному функцио-

нированию уголовно-исполнительных правоотношений:

- обращение осужденного, отбывающего наказание в виде принудительных работ или лишения свободы, с заявлением об обеспечении его личной безопасности (ч. 2 ст. 13 УИК РФ). 76 % опрошенных сотрудников СИЗО и ИУ отметили, что в случаях отсутствия соответствующего заявления от осужденного не всегда получается своевременно устранить угрозу личной безопасности;

- согласимся с мнением большинства сотрудников УИИ (82 %), которые указали, что необращение беременной осужденной в суд с ходатайством об отсрочке отбывания наказания в виде обязательных (ч. 3.1 ст. 26 УИК РФ) или исправительных (ч. 5 ст. 42 УИК РФ) работ отрицательно влияет на правоотношения в сфере исполнения и отбывания уголовных наказаний;

- ненаправление больными осужденными к обязательным (ч. 3 ст. 26 УИК РФ) или исправительным (ч. 4 ст. 42 УИК РФ) работам обращения в суд об освобождении от отбывания наказания в связи с наличием тяжелой болезни также негативно сказывается на уголовно-исполнительных правоотношениях.

Таким образом, отказ осужденного от использования своего права в ряде случаев отрицательно влияет на развитие уголовно-исполнительных правоотношений, но ответственности за подобное поведение лицо не несет.

Уголовно-исполнительное законодательство содержит подобные юридические факты-бездействия (то есть факты, основывающиеся на неиспользовании права, но порождающие негативные последствия), свидетельствующие о поведении субъектов, исполняющих уголовные наказания (меры), например неприменение уполномоченными сотрудниками ИУ мер поощрения к осужденным при наличии достаточных оснований, таких как хорошее поведение, добросовестное отношение к труду, обучению, активное участие в воспитательных мероприятиях (ч. 1 ст. 113 УИК РФ).

Однако справедливо будет отметить, что чаще всего указанное бездействие сотрудников учреждений, исполняющих уголовные наказания (меры), не просто негативно сказывается на развитии уголовно-исполнительных правовых связей, но и может явиться основанием для привлечения к ответственным

ности. Это происходит, когда право субъекта является его служебной обязанностью. В таком случае лицо не может отказаться от реализации закрепленного в законе права. В противном случае бездействие участников правоотношений, основывающихся на данных специфических нормах, будет являться юридическим фактом, порождающим правоотношения ответственности. В. Н. Кудрявцев, рассматривая данное явление, отмечал, что для избежания негативного результата правоприменителю следует ответить на следующий вопрос: не совпадает ли использование своих прав с неиспользованием своих обязанностей? [4, с. 137]

В уголовно-исполнительном праве существует обширный перечень юридических фактов, имеющих подобную двойственную природу, например:

– администрация ИУ не может отказаться от своего права производить досмотр находящихся на территории ИУ и прилегающих к нему территориях, на которых установлены режимные требования, лиц, их вещей, транспортных средств, а также изымать запрещенные вещи и документы (ч. 6 ст. 82 УИК РФ);

– администрация ИУ не может отказаться от своего права использовать аудиовизуальные, электронные и иные технические средства надзора и контроля для предупреждения побегов и других правонарушений (ч. 1 ст. 83 УИК РФ) и др.

Такое совпадение использования своих прав с исполнением своих обязанностей в уголовно-исполнительном праве встречается только у субъектов, исполняющих уголовные наказания (меры).

Следует отметить, что наличие в уголовно-исполнительном праве подобных норм может привести к неправильному их толкованию практическими работниками и последующему бездействию, отрицательно сказывающемуся на функционировании уголовно-исполнительных правоотношений. Данный тезис подтверждают результаты опроса сотрудников ИУ: 22 % указали, что они могут не применять меры взыскания за совершение осужденным нарушения, так как это является их правом, а не обязанностью.

Решение данного вопроса осуществляется, во-первых, не только через правовое воспитание (как считал В. Н. Кудрявцев), но и через пересмотр содержания подобных норм. Полагаем, что отрицательные

последствия правомерного бездействия, возникшие в результате необращения больного осужденного к обязательным работам с просьбой об освобождении от отбывания наказания, можно ликвидировать, если УИИ будут наделены правом ходатайствовать перед судом об освобождении.

Во-вторых, перенесение законодателем некоторых прав в разряд обязанностей также способно ликвидировать часть отрицательного бездействия. Например, в ч. 6 ст. 82 УИК РФ должно быть закреплено, что администрация ИУ не вправе, а обязана производить досмотр находящихся на территории исправительного учреждения и на прилегающих к нему территориях, на которых установлены режимные требования, лиц, их вещей, транспортных средств, а также изымать запрещенные вещи и документы, перечень которых устанавливается законодательством Российской Федерации и Правилами внутреннего распорядка исправительных учреждений.

Отдельно следует отметить, что не каждое правомерное бездействие представляет собой юридический факт. Данное поведение будет являться таковым, когда оно напрямую не влияет на функционирование уголовно-исполнительных правоотношений, не является юридически значимым, то есть не порождает, не изменяет, не приостанавливает и не прекращает правоотношения. Так, например, неиспользование осужденным права на телефонный разговор является правомерным бездействием, но не юридически значимым фактом, так как не влияет на функционирование каких-либо уголовно-исполнительных правоотношений.

Правомерное бездействие – это такие юридические факты, которые могут выступать только как элементы фактического состава. В уголовно-исполнительном праве бездействие вне связи с иными юридическими фактами не будет порождать правоотношений. Но это не умаляет роли рассматриваемого поведения, так как каждый из элементов фактического состава важен по своему и имеет самостоятельное значение.

Приведем следующий пример. Уголовно-исполнительные правоотношения, связанные с переводом осужденного из обычных условий отбывания наказания в облегченные, не возникнут без наличия фактов, которым законодатель придал юридическое значение, закрепив их в законе: добросо-

вестное отношение к труду и отсутствие взысканий за нарушения установленного порядка отбывания наказания (ч. 2 ст. 120 УИК РФ).

В данном случае нас интересует факт отсутствия взысканий за нарушения установленного порядка отбывания наказания, который может быть сформирован только при наличии правового симбиоза активного правомерного действия, связанного, как было сказано ранее, с исполнением обязывающих норм (добросовестное отношение к труду), и правомерного бездействия, ориентированного на соблюдение норм, запрещающих, например, употребление спиртных напитков либо наркотических средств или психотропных веществ, неповиновение представителям администрации ИУ, организацию группировок осужденных, направленных на совершение правонарушений, и т. д. В данном случае правомерное бездействие будет являться юридическим фактом, обязательное наличие которого влечет за собой образование соответствующих уголовно-исполнительных правоотношений.

Приступая к рассмотрению неправомерных деяний (рис. 2), в первую очередь следует отметить, что в теории права неправомерное поведение подразделяется на объективно-противоправные деяния и правонарушающие юридические факты.

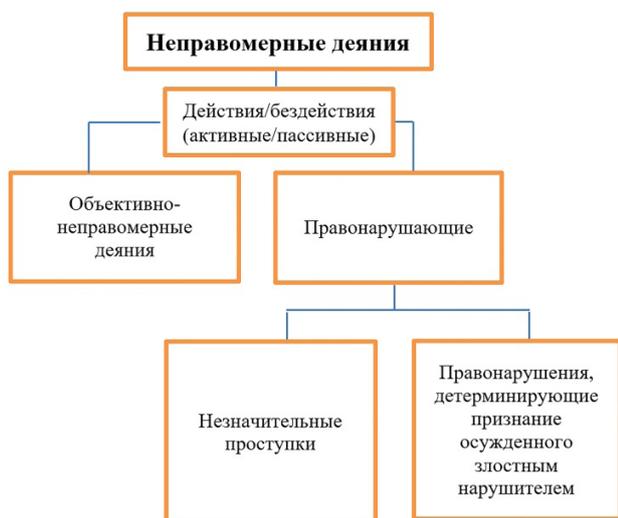

Рис. 2. Неправомерные деяния

Несмотря на очевидный интерес отдельных ученых-юристов, в частности С. С. Алексеева, В. Б. Исакова, С. И. Самищенко, А. М. Хужина, к объективно-противоправным деяниям, они так и не стали предметом основательного исследования в отечественной науке. Согласимся с мнением И. А. Минни-

кеса о том, что лишь в некоторых учебниках по теории государства и права упоминается данный вид деяний [6, с. 19]. Не является исключением и уголовно-исполнительная наука, в которой вопросы объективно-противоправного поведения как юридического факта не рассматривались вообще.

Практически все представители юридической науки, подразделяющие неправомерные деяния на два указанных вида, отмечают, что объективно-противоправное поведение – это противоправное, неодобряемое, вредное, но невинное деяние, выражающееся в неисполнении юридических обязанностей и несоблюдении запретов [1, с. 353].

Объективно-противоправные деяния, содержащиеся в уголовно-исполнительном праве, можно разделить на две группы:

1) к первой относятся объективно-противоправные деяния, которые содержатся в уголовно-исполнительном праве, но правоотношения, на которые они влияют, находятся за рамками предмета уголовно-исполнительного правового регулирования. Это «классические» подобного рода юридические факты, и они содержатся в интересующем нас законодательстве в ограниченном количестве. К ним можно, например, отнести невинное причинение осужденным материального ущерба исправительному центру (ч. 2 ст. 60.20 УИК РФ) или неумышленное причинение вреда собственному здоровью (ч. 2 ст. 102 УИК РФ). В первую очередь сюда относятся деяния, повлекшие за собой несчастные случаи на производстве. Например, за 2018 г. численность осужденных, получивших травмы на производстве, составила 228 чел. [8, с. 60];

2) особенностью второй группы юридических фактов является то, что они оказывают непосредственное воздействие на правоотношения, функционирующие в сфере исполнения и отбывания уголовных наказаний (мер). К данным юридическим фактам можно отнести объективно-противоправные деяния, которые являются таковыми в связи с наличием «той или иной причины, которая помешала осужденному выполнить требования, определенные законом» [11, с. 118]. Речь идет об уважительных причинах, наличие которых исключает возможность привлечения лица к ответственности за совершение им неодобряемого деяния. В качестве примера приведем следующие объективно-противоправные деяния, явля-

ющиеся таковыми в связи с наличием уважительных причин: невыход более двух раз в течение месяца на обязательные работы (п. «а» ч. 1 ст. 30 УИК РФ), несоблюдение осужденным к ограничению свободы установленных судом ограничений (п. «б» ч. 1 ст. 58 УИК РФ), неявка осужденного в УИИ для регистрации (п. «г» ч. 1 ст. 58 УИК РФ) [7, с. 45–51]; отказ от работы или прекращение работы (ч. 1 ст. 116 УИК РФ) и т. д.

Деяния, входящие в обе группы, обладают всеми признаками, свойственными объективно-противоправному поведению.

Во-первых, формальным признаком такого поведения является противоправность, выражающаяся в нарушении норм права. Поведение осужденного противоправно, если оно не отвечает требованиям обязывающих или запрещающих норм. Например, причинение осужденным материального ущерба исправительному центру или вреда собственному здоровью нарушает предписания федерального законодательства (ч. 2 ст. 11 УИК РФ) и подзаконных актов, в которых отмечается, что осужденный обязан «бережно относиться к имуществу ИЦ и другим видам имущества» (п. 15 разд. IV приказа Минюста России от 29.12.2016 № 329) и не причинять «вред своему здоровью» (п. 17 разд. III приказа Минюста России от 16.12.2016 № 295).

Во-вторых, рассматриваемые объективно-противоправные деяния совершаются невиновно, то есть лицо не осознает и по обстоятельствам дела не может осознавать противоправность своих действий, либо не предвидит возможность наступления негативных последствий и по обстоятельствам дела не может и не должно их предвидеть [4, с. 62], либо не может предотвратить наступление негативных последствий в связи с наличием исключительных обстоятельств. Полагаем, что законодатель, закрепляя категорию «уважительная причина», предполагает, что осужденный, согласно общему правилу, осознает и предвидит наступление последствий, но наличие исключительных обстоятельств не дает ему возможности исполнить обязанность или соблюсти запрет.

В-третьих, такое поведение оказывает негативное влияние на функционирование учреждений, исполняющих уголовные наказания (меры), причиняет вред.

В-четвертых, рассматриваемые объективно-противоправные деяния, являясь юридическими фактами, не могут не вли-

ять на функционирование правоотношений. Первая выделенная группа юридических фактов, как уже было отмечено выше, влияет на функционирование правоотношений, находящихся за пределами уголовно-исполнительного правового регулирования. Объективно-противоправные деяния, относящиеся ко второй группе юридических фактов, порождают, изменяют или прекращают правоотношения, находящихся в сфере непосредственного влияния норм уголовно-исполнительного права.

В-пятых, осужденный после объективно-противоправного деяния может не участвовать в восстановлении нарушенных уголовно-исполнительных отношений, не привлекаться к ответственности. В юридической литературе справедливо отмечается, что в некоторых случаях объективная ответственность имеет место в правоотношениях, регулируемых государственным гражданским (частным) и международным правом [5, с. 44]. В данном случае согласимся с А. М. Хужиным в том, что ответственность должна наступать только за совершение лицом правонарушения, включающего все присущие неправомерному поведению признаки, в том числе и вину [14, с. 20; 15].

Волевое поведение осужденного, препятствующее нормальному функционированию уголовно-исполнительных правоотношений, является правонарушающим юридическим фактом, влекущим за собой привлечение осужденного к дисциплинарной ответственности. Л. И. Петражицкий, высказываясь о данных правовых явлениях, справедливо указывал, что под «недозволенными, запрещенными действиями разумно такие действия или упущения, которые противны требованиям (“велениям”) права и вследствие этого вызывают известные (для нарушителя невыгодные) юридические последствия, например обязанность возместить причиненный вред или потерпеть наказание» [2, с. 361].

Наличие данных юридических фактов свидетельствует о неисполнении или ненадлежащем исполнении обязывающих норм и несоблюдении запрещающих предписаний. Исходя из содержания данного утверждения, можно выделить три группы юридических фактов, свидетельствующих о правонарушающем поведении осужденного:

1) неисполнение обязанностей. Данные юридические факты представлены в уголовно-исполнительном законодательстве

в наибольшем количестве, что логично, так как законодатель в большей степени ориентирован на закрепление в УИК РФ обязанностей осужденного, факт неисполнения которых влечет за собой возникновение, изменение или прекращение уголовно-исполнительных правоотношений;

2) ненадлежащее исполнение обязанностей. Указанные юридические факты по своей юридической природе максимально схожи с рассмотренными выше. Однако их наличие свидетельствует о том, что осужденный де-юре не отказался от исполнения предписанной ему обязанности, но осуществляет это не в полном объеме, несвоевременно, неправильно, неточно. По мнению сотрудников ИУ, к юридическим фактам подобного рода можно отнести, например, факты ненадлежащей уборки осужденным своего спального (рабочего) места или соблюдение правил личной гигиены не в полном объеме;

3) несоблюдение запретов. Наличие данного юридического факта свидетельствует о том, что цель запрета, содержащаяся в удержании осужденного от неправомерного поступка («и тем самым добиться бесконфликтного состояния общественных отношений» [11, с. 12]), не достигнута.

Анализ уголовно-исполнительного законодательства показал, что несоблюдение осужденным запретов порицается законодателем в большей степени. Другими словами, наличие выделенного юридического факта, по общему правилу, является основанием для привлечения осужденного к более серьезному виду ответственности, что отчетливо выражено в нормах, регламентирующих исполнение и отбывание наказания в виде лишения свободы. Например, все деяния, закрепленные в ч. 1 ст. 116 УИК РФ (закрепляет правонарушающее поведение осужденного, за которое он может быть признан злостно нарушающим установленный порядок отбывания наказания в виде лишения свободы), являются юридическими фактами, возникающими в связи с нарушением запрета.

Правонарушающие юридические факты также можно разделить на два вида: 1) незначительные проступки и 2) юридические факты, наличие которых детерминирует признание осужденного злостно уклоняющимся от отбывания наказания (меры), а равно злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания (к

данной категории также следует отнести юридический факт, дающий основания для признания условно осужденного лицом, систематически нарушающим предъявляемые к нему требования).

Правонарушающие юридические факты, относящиеся к первой группе, представляют собой деяния осужденных, которые порицаются законом, но в меньшей степени. Данные юридические факты вне зависимости от того, какому виду наказаний они свойственны, содержат поведение, причиняющее незначительный вред уголовно-исполнительным правоотношениям. Осужденный признается обычным, а не злостным нарушителем. Однако совершение повторного подобного проступка в ряде случаев квалифицируется как юридический факт второй группы.

Например, разовое нарушение осужденным к обязательным работам трудовой дисциплины является юридическим фактом, порождающим правоотношения в сфере признания лица нарушителем условий отбывания соответствующего наказания. Данное поведение осуждается, но признается несущественно нарушающим уголовно-исполнительные правоотношения. Но совершение повторного нарушения трудовой дисциплины в течение месяца будет являться фактом признания осужденного злостно уклоняющимся от отбывания обязательных работ (ч. 1 ст. 30 УИК РФ), что порождает правоотношения в сфере замены обязательных работ на другой вид наказания (ч. 2 ст. 29 УИК РФ).

Юридические факты схожего содержания также есть в главах УИК РФ, регламентирующих исполнение (отбывание) наказания в виде исправительных работ (ч. 3 ст. 46), ограничения свободы (п. «а» ч. 4 ст. 58), принудительных работ (ч. 3 ст. 60.15).

Кроме того, к юридическим фактам второй группы следует относить правонарушения, появление которых существенно нарушает уголовно-исполнительные правоотношения. Совершение даже одного подобного проступка является основанием для возникновения правоотношений в сфере признания осужденного злостно уклоняющимся от отбывания наказания (меры), а равно злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания. К подобным юридическим фактам можно отнести, например, неуплату штрафа (ч. 1 ст. 32 УИК РФ), сокрытие места своего нахождения

(жительства) (п. «в» ч. 1 ст. 30, ч. 3 ст. 46, п. «в» ч. 4 ст. 58 УИК РФ), отказ осужденного от использования технических средств надзора и контроля (п. «б» ч. 4 ст. 58 УИК РФ), употребление спиртных напитков, наркотических средств или психотропных веществ (п. «а» ч. 2 ст. 60.15, ч. 1 ст. 116, ч. 7 ст. 178 УИК РФ), отказ от работы или прекращение работы (ч. 6 ст. 103 УИК РФ), все деяния, перечисленные в ч. 1 ст. 116 УИК РФ, и т. д.

Следует отметить, что законодатель не фиксирует правонарушающие юридические факты в главах, регламентирующих исполнение и отбывание наказаний в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, ареста и всех видов наказаний, предназначенных для военнослужащих.

Правонарушающие юридические факты, как и правомерные, могут быть выражены в активной и пассивной формах поведения. Неправомерные действие и бездействие могут быть ориентированы на отказ от исполнения обязывающих или соблюдения запрещающих норм. Например, неправомерные действия осужденного, направленные на оскорбление сотрудника ИУ, сопровождаются активным поведением лица, ориентированного на нарушение обязывающей нормы (ч. 4 ст. 11 УИК РФ); проступок осужденного, связанный с употреблением спиртных напитков либо наркотических средств или психотропных веществ (ч. 1 ст. 116 УИК РФ), свидетельствует об активном отрицании запрещающей нормы.

Неправомерным бездействием можно назвать неявку лица по вызову администрации ИУ (ч. 5 ст. 11 УИК РФ). В данном случае осужденный нарушает обязывающую норму. А пассивное поведение, связанное с прекращением работы для разрешения трудового конфликта, не соответствует требованию, определенному в соответствующей запрещающей норме (ч. 6 ст. 103 УИК РФ).

Заключение

Подводя итог, необходимо сделать следующие выводы:

1. Правомерные действия участников уголовно-исполнительных правоотношений направлены на использование дозволяющих и исполнение обязывающих норм. Признаки, которые свойственны правомерному действию, основанному на использовании дозволяющих норм, и признаки, свойственные

исполнению обязывающих норм, в обязательном порядке должны учитываться субъектами уголовно-исполнительного права. При этом правомерное действие не предполагает использования запрещающих норм, так как данный вид предписаний декларирует несовершение определенных в законе действий: нельзя назвать правомерным действием поведение субъекта, который нарушил требование, вытекающее из запрещающей нормы, закрепленной в уголовно-исполнительном законодательстве.

Правомерные юридические факты-бездействия субъектов уголовно-исполнительного права влияют на правоотношения, ориентированные на соблюдение норм запрета и использование дозволяющих норм.

2. Из уголовно-исполнительного законодательства должны быть исключены нормы, способствующие появлению правомерного бездействия там, где оно пересекается с обязанностью участника уголовно-исполнительных правоотношений действовать (когда право субъекта, по сути, является его обязанностью).

3. Наличие объективно-противоправного поведения осужденного не должно вызывать привлечение его к ответственности. Однако объективно-противоправное поведение способно порождать иные уголовно-исполнительные правоотношения, вытекающие из порядка исполнения и отбывания уголовного наказания. Например, неявка осужденного в УИИ для регистрации при наличии уважительных причин порождает правоотношения, связанные с установлением достоверности представленной осужденным информации, осуществлением дополнительного контроля над поведением осужденного, принятием мер, направленных на дальнейшее исключение возникновения объективно-противоправного поведения осужденного.

4. Юридические факты, свидетельствующие о правонарушающем поведении осужденных, вне зависимости от их вида (активное / пассивное, незначительное / значительное, основанное на неисполнении обязанности / несоблюдении запрета) должны влечь за собой ответственность. Однако законодатель в УИК РФ не фиксирует данные правонарушающие юридические факты в главах, регламентирующих исполнение и отбывание наказаний в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью,

ареста и всех видов наказаний, предназна- существенно затрудняет развитие уголов-
ченных для военнослужащих, что, полагаем, но-исполнительных правоотношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев, С. С. Проблемы теории права : курс лекций. В 2 томах. Том 1. Основные вопросы общей теории социалистического права / С. С. Алексеев. – Свердловск : [б. и.], 1972. – 396 с.
2. Антонян, А. Г. Оценочные категории в уголовно-исполнительном праве : диссертация на соискание ученой степени доктора психологических наук / Антонян Азат Галустович. – Томск, 2016. – 232 с.
3. Казаков, В. Н. Правомерное поведение и правопорядок : диссертация на соискание ученой степени доктора психологических наук / Казаков Владимир Николаевич. – Москва, 1999. – 185 с.
4. Кудрявцев, В. Н. Правовое поведение: норма и патология / В. Н. Кудрявцев. – Москва : Наука, 1982. – 289 с.
5. Кузьмин, И. А. Объективно-противоправное деяние как основание объективной (безвиновной) ответственности / И. А. Кузьмин // Вестник Омского университета. Серия : Право. – 2011. – № 1 (26). – С. 39–44.
6. Минникес, И. А. Объективно-противоправное деяние / И. А. Минникес // Российский юридический журнал. – 2008. – № 2 (59). – С. 19–23.
7. Мурсалимов, К. А. Проблемные аспекты производства по делам об административных правонарушениях в деятельности уголовно-исполнительных инспекций / К. А. Мурсалимов // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. – 2018. – № 4 – С. 45–51.
8. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы ФСИН России (январь–декабрь 2018 г.) : информационно-аналитический сборник. – Тверь : НИИИТ ФСИН России, 2018. – 294 с.
9. Петражицкий, Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности / Л. И. Петражицкий. – Санкт-Петербург : Лань, 2000. – 608 с. – ISBN 5-8114-0224-4.
10. Прусаков, А. Д. Действие и бездействие как формы юридически значимого поведения : диссертация на соискание ученой степени доктора психологических наук / Прусаков Александр Дмитриевич. – Саратов, 2008. – 238 с.
11. Радько, Т. Н. Запрещающие нормы в механизме правового регулирования / Т. Н. Радько // Вестник Академии права и управления. – 2018. – № 3 (52). – С. 9–17.
12. Рыбушкин, Н. Н. Запрещающие нормы в советском праве / Н. Н. Рыбушкин. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1990. – 113 с. – ISBN 5-7464-0274-5.
13. Теория государства и права : учебник / под редакцией Н. Г. Александрова. – Изд. 2-е, переаб. и доп. – Москва : Юридическая литература, 1974. – 640 с.
14. Хужин, А. М. Объективно-противоправное поведение в российском праве : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Хужин Альфир Мисхатович. – Нижний Новгород, 2000. – 23 с.
15. Хужин, А. М. Объективно-противоправное поведение в российском праве : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Хужин Альфир Мисхатович. – Нижний Новгород, 2000. – 158 с.
16. Classification of jural facts in the legal system: experience of the legislation of the countries of the commonwealth of independent states / E. Yu. Bakirova et al. // Talent Development and Excellence. – 2020. – Volume 12, no. 3. – Pp. 1311–1317.
17. Hage, J. Dick w.p. ruiter. institutional legal facts: legal powers and their effects / J. Hage // Artificial Intelligence and Law. – 1999. – Volume 7, no. 4. – Pp. 377–385.
18. Ramm, Th. Einführung in das Privatrecht / Allgemeiner Teil des BGB / Thilo Ramm. – München : Deutschen Taschenbuch, 1974. – 916 p.
19. Voronin, I. K. Ways of fixing legal facts in roman law / I. K. Voronin // Smart Innovation, Systems and Technologies. – 2019. – Volume 139. – Pp. 676–681.

REFERENCES

1. Alekseev S.S. *Problemy teorii prava*. T. 1. [Issues of the law theory. Volume 1]. Sverdlovsk, 1972. 396 p.
2. Antonyan A.G. *Otsenochnye kategorii v ugovolno-ispolnitel'nom prave: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni doktora psikhologicheskikh nauk* [Evaluation categories in penal law: Doctor of Sciences (Psychology) dissertation]. Tomsk, 2016. 232 p.
3. Kazakov V.N. *Pravomernoe povedenie i pravoporyadok: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni doktora psikhologicheskikh nauk* [Lawful behavior and legal order: Doctor of Sciences (Psychology) dissertation]. Moscow, 1999. 185 p.
4. Kudryavtsev V.N. *Pravovoe povedenie: norma i patologiya* [Legal behavior: norm and pathology]. Moscow: Izdatel'stvo nauka, 1982. 289 p.
5. Kuz'min I.A. Objectively-illegal act as the basis of objective (innocent) responsibility. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo=Herald of Omsk University. Series "Law"*, 2011, no. 1 (26), pp. 39–44. (In Russ.).
6. Minnikes I.A. Objectively unlawful act. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal=Russian Law Journal*, 2008, no. 2 (59), pp. 19–23. (In Russ.).
7. Mursalimov K.A. Problematic aspects of proceedings in cases of administrative offenses in the activities of penal inspections. *Obshchestvennaya bezopasnost', zakonnost' i pravoporyadok v III tysyacheletii=Public Safety, Lawfulness and Legal Order in the Third Millennium*, 2018, no. 4, pp. 45–51. (In Russ.).
8. *Osnovnye pokazateli deyatel'nosti ugovolno-ispolnitel'noi sistemy yanvar' – dekabr' 2018 g. Informatsionno-analiticheskii sbornik* [Key performance indicators of the penitentiary system for January – December 2018. Information and analytical collection]. Tver, 2018. 294 p.
9. Petrazhitskii L.I. *Teoriya prava i gosudarstva v svyazi s teoriei npravstvennosti* [Theory of the law and state in relation with the theory of morality]. Saint Petersburg: Lan', 2000. 608 p.
10. Prusakov A.D. *Deistvie i bezdeistvie kak formy yuridicheskii znachimogo povedeniya: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni doktora psikhologicheskikh nauk* [Action and omission as forms of legally significant behavior: Doctor of Sciences (Psychology) dissertation]. Saratov, 2008. 238 p.

11. Rad'ko T.N. Prohibiting norms in the mechanism of legal regulation. *Vestnik Akademii prava i upravleniya=Bulletin of Academy of Law and Management*, 2018, no. 3 (52), pp. 9–17. (In Russ.).
12. Rybushkin N. N. *Zapreshchayushchie normy v sovetskom prave* [Prohibiting norms in the Soviet law]. Kazan: Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta, 1990. 113 p.
13. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of law and state]. Ed. by N.G. Aleksandrov. Moscow, 1974. 640 p.
14. Khuzhin A.M. *Ob"ektivno-protivopravnoe povedenie v rossiiskom prave: avtoreferat dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Objectively unlawful behavior in the Russian law: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Nizhny Novgorod, 2000. 23 p.
15. Khuzhin A.M. *Ob"ektivno-protivopravnoe povedenie v rossiiskom prave: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Objectively unlawful behavior in the Russian law: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Nizhny Novgorod, 2000. 158 p.
16. Bakirova E.Yu., Kuksin I.N., Lepeshkina O.V., Umarova A.A., Vlasenko N.A. Classification of jural facts in the legal system: experience of the legislation of the countries of the Commonwealth of Independent States. *Talent Development and Excellence*, 2020, vol. 12, no. 3, pp. 1311–1317.
17. Hage J. Dick W.P. Ruiter. Institutional legal facts: legal powers and their effects. *Artificial Intelligence and Law*, 1999, vol. 7, no. 4, pp. 377–385.
18. Ramm Th. *Einführung in das Privatrecht. Allgemeiner Teil des BGB*. München: Deutschen Taschenbuch, 1974. 916 p.
19. Voronin I.K. Ways of fixing legal facts in Roman law. *Smart Innovation, Systems and Technologies*, 2019, vol. 139, pp. 676–681.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЕГОР ЕВГЕНЬЕВИЧ НОВИКОВ – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин юридического факультета Университета ФСИН России, г. Санкт-Петербург, г. Пушкин, Российская Федерация. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1556-1364>, e-mail: mavr-85@mail.ru

EGOR E. NOVIKOV – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, associate professor of the Department of Criminal Law Disciplines, Faculty of Law, University of FSIN Russia, Pushkin, Saint Petersburg, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1556-1364>, e-mail: mavr-85@mail.ru

Статья поступила 15.05.2020